

Продолжение.
Начало в «РМ» №4040

Ситуация резко меняется начиная с 1927-1928 гг., когда ВКП(б) взяла курс на свертывание нэпа и прекращение каких бы то ни было игр с «идеологически чуждыми» попутчиками. С этих пор имя Замятина постоянно и в неизменно отрицательном контексте появляется в главлитовских документах, которые автору этих строк удалось разыскать в различных архивах.

Руководители издательств, особенно крупнейшего Госиздата РСФСР, поначалу находятся в некотором смятении и требуют разъяснений у «руководящих инстанций» — как быть с Замятиным. Так, в апреле 1928 года руководитель Ленинградского отделения ГИЗа обращается в Главное управление Госиздата РСФСР с таким запросом, посланным на имя поэта В.Нарбута, занимавшего в то время высокий пост в Госиздате РСФСР — он возглавлял в нем литературно-художественный отдел:

«Уважаемый Владимир Иванович!
Вы осведомлены, вероятно, о всех перипетиях в истории издания сочинений Е.И.Замятина.

Замятин не прочь переключать в ГИЗ, Лениотгиз или «Прибой». Дело щекотливое.

Последние перипетии — это намечающийся разрыв Замятина с «Никитинскими субботниками», которые неаккуратно платят гонорар, вернее, аккуратно не платят гонорара. Вы знаете, какой существует идеологический <шум? — нрзб.> вокруг имени Замятина и его писаний последнего времени. Я, разумеется, не постесняюсь заявить ему об этом прямо и сказать, что не все его сочинения возможно печатать под маркой Государственного издательства или даже «Прибоя».

С другой стороны, скажу *entre nous*, Замятин, конечно, относится к числу таких писателей, произведения которых находятся на уровне довольно высоких художественных достоинств. Отвергать все его сочинения, в том числе и те, что написаны давно (вроде «Уездного») в большую русскую литературу было бы легкомысленно.

Впрочем, я не знаю, какова сейчас по отношению к Замятину политическая установка. Если он вообще неприемлем, тогда трудно выступать с чисто литературным критерием. Но вот что озадачивает: Вячеслав Шишков, по словам Замятина, посетил недавно т.Халатова и получил от него не отрицательный ответ — а наоборот — предложение прислать план замятинских сочинений. Стало быть, какие-то виды имеются.

Вот и посылаю Вам план: в случае, если понадобится произвести какие-либо изъятия, автор, видимо, пойдет на это. Вероятнее всего, что от 5-го тома можно будет в случае чего и вообще отбояриться. Очень прошу Вас поскорее высчитать вопрос с кем следует и сообщить Лениотгизу окончательное решение.

Если решите «да», то телеграфируйте. Норму тиража попытаемся изыскать в «Прибое». Главное — не задерживайте ответа, Замятин очень торопит» (ЦГАЛИ СПб. Ф.35, оп.3, д.97, л.62. А.Халатов, в это время председатель правления Госиздата РСФСР, и В.И.Нарбут были расстреляны в 1938 г. Письмо не подписано, но, судя по всему, автором его был руководитель Ленинградского отделения Госиздата (Лениотгиза) И.С.Гефт.).

Письмо вскрывает закулисную сторону первого (и последнего при жизни) издания сочинений Е.Замятина в советской России. Первоначально он готовил шеститомник для «Никитинских субботников», в котором, по его словам, «будет собрано все, написанное до сих пор (кроме романа «Мы», существующего пока только в переводах на иностранные языки)» (Е.Замятин. Сочинения. М., 1988, с.550.).

Но выпустило собрание сочинений в 1929 году издательство «Федерация» (позднее в него вошли закрытые «Никитинские субботники»). Правда, на четвертом томе оно было оборвано; не разрешены были «сомнительные» вещи, так и не появился запланированный пятый том — сборник воспоминаний и критических статей, позднее озаглавленный «Лица»: он появился посмертно, в 1955 году, в издательстве имени Чехова в Нью-Йорке. Попытка заигрывания Ленигиза с Замятиным была пресечена на самом верш: как раз в это время разразился скандал в связи с зарубежными публикациями романа «Мы».

Арлен Блюм

Во власти обезьян: Евгений Замятин под советской цензурой

Евгений Замятин.

С этой поры имя Замятина окончательно предается «анафеме». Тогда же Агитпроп Ленинградского обкома ВКП(б) подготовил для А.Стецкого, возглавлявшего в это время отдел культуры и пропаганды ленинизма ЦК ВКП(б), большую справку «Материалы к совещанию в Агитпропе ЦК». В ней дается подробнейшая оценка репертуара ленинградских театров, и львиная доля справки посвящена попытке Ленинградского Большого драматического театра поставить в 1929 году пьесу Замятина «Атилла». Приведем этот фрагмент:

«Мы видим внезапный зигзаг, угрожающий сломать целое, сокрушить общественные установки театра и вернуть его «ко дням Очакова». Каковы же симптомы наступающего термидора в ГБДТ? Перед нами — план театра на будущий год, план, частью уже реализовавшийся (в области подготовки, репетиций и т.д.). Вместо «Разлома» — «Борис Годунов», вместо «Любови Яровой» — «Человек с портфелем» (пьеса А.Файко. — А.Б.) — сомнительный пасквиль на советскую интеллигенцию с привкусом фаталистического пессимизма, так рискованно инсценированный в Московском театре революции. Главное место в этом плане занимает новая пьеса Замятина «Атилла». Это действительно своего рода «гвоздь» в смысле яркости и блеска

драматургического исполнения, замысла и в смысле яркости и оригинальности формулировки новой антипролетарской позиции Замятина.

Скрытая историческая параллель ясна и невооруженному историческими познаниями рабкору (как это выяснилось на заседании художественного совета театра).

Темой пьесы является борьба капиталистического «Рима» с «варваризмом» большевиков, являющихся прямыми потомками и духовными наследниками Атиллы. Неважно, что в пьесе эта борьба изображена как генеральное побоище между цивилизацией и варварами, между интеллектом и слепой стихией, между наукой и чудовищным невежеством (особенно ярко это видно в сцене разграбления библиотеки епископа Аппиана). Параллель остается параллелью, автор ей верен и, очевидно, не намерен скрывать ее, как это будет видно из дальнейшего.

Здесь мы имеем новое миросозерцание, новую историософию, ведущую к признанию советской власти и подчинению ей как некоторой изуверской и безбожной необходимости.

Замятинский Атилла защищает рабов, униженных и оскорбленных, освобождает угнетенных римлян от власти патрициев. Атилла — второй Грек (видимо, Гракх? — А.Б.) или Спартак на пепелище античного гибнущего мира. Вместе с тем он несет смерть, сокрушает культуру, рубит головы, насилует женщин, внушает ужас и омерзение.

Советизированный Атилла гибнет, но пророчит:

— Пусть празднует Рим эту смерть. Не страшно, мы знаем, наступит час — Засвищет Атиллы бич снова

И мертвым падет тогда Рим...

Этой тирадой заканчивается пьеса и дается акцент ее антипролетарской установки.

Следующий диалог гуннских молодчиков, наших духовных прародителей, ярко характеризует замятинскую историософию:

Кобзарь:

— И народу конец. А сказу конца нет.

Пройдет 500 лет, и еще тысяча лет.

Клич кликнул яремные по всей земле.

Тут другой придет, сказ другой начнет.

Едекоп (обнимает и целует свой топор):

— Й-эх, родной, погуляли мы с тобой.

(Кобзарю) А врешь про тысячу лет. Не вернутся наши времена.

Кобзарь: — Ты вином сыт?

Едекоп: — Во — до сих пор.

Кобзарь: — А завтра проспишься — будешь пить?

Едекоп: — И-их, буду.

Кобзарь: — Так и земля через тысячу лет проспится — опять красного пить захочет.

Зыркон (Едекопу): — Не тужи, были бы ножи, а... найдутся».

«Замятинская философия истории, — резюмирует агитпроповец, — совпадает с воззрениями Иловайского и настроениями некоторой части внутренней эмиграции. Интересно сопоставить с «Козьей песней» («Козлиной песнью». Л., 1928. — А.Б.) Вагинова, где внутренний эмигрант именует себя «последним римлянином среди варваров» (о судьбе запрещенного романа Вагинова см. нашу статью: Возвращение Константина Вагинова. — «Новый журнал» (СПб.), 1993, №2, с.65-69 — А.Б.).

На сцене ГБДТ, где ставились волнующие революционные спектакли, замена Лавренева (пьеса «Разлом». — А.Б.) «последним римлянином» Замятиным явится сигналом назад не к Островскому, а к Гумилеву, к Замятину первичной формации» (ЦГА ИПД, ф.24, оп.8, д.71, лл.196-204).

Этот документ, тотчас же принятый на вооружение ленинградскими цензорами, проясняет то место в известном письме Замятина Сталину 1931 года, в котором он пишет, что «пьеса, уже наполовину сретитированная, уже объявленная в афишах, — была запрещена по настоянию Ленинградского облита. Гибель моей трагедии «Атилла» была поистине трагедией для меня: после этого мне стала совершенно ясна бесполезность всяких попыток изменить мое положение, тем более, что вскоре разыгралась известная история с моим романом «Мы» и «Красным деревом» Пильняка» (Е.Замятин. Сочинения. М., 1988, с.491).

Пьеса, первоначально запрещенная Леноблитом, была все-таки разрешена

Главреперткомом в Москве. «Этим, разумеется, — пишет он Горькому в октябре 1928 г., — был оскорблен в своих лучших чувствах чиновник, в свое время не раз решивший пьесу. Прямо запретить пьесу он теперь уже не смог: он всего только (официальным письмом) «не рекомендует» театру ставить пьесу. Для театра это было, конечно, равносильно запрещению — театр вынужден был снять пьесу с репертуара».

Но даже заступничество Горького, возмущившегося «скандальным» запрещением пьесы, которую он считал «высоко ценной и литературно, и общественно», не помогло. «Ценность эту, — писал он в своем отзыве, — вижу в том, что гунны во главе с Атиллой идут разрушить Рим как государство, фабрикующее рабов. Нахожу также, что героический тон пьесы и героический сюжет ее полезен — как нельзя более для наших дней, когда мещанство шипит все более громко» (см.: В.Келдыш. Е.И.Замятин. — В кн.: Е.Замятин. Избранные произведения. М., 1989, с.33. Подробнее об участии Горького в этой истории см.: Н.Примочкина. М.Горький и Замятин. — «Русская литература», 1987, №4, с.156-158).

Тем не менее в январе 1929 года Замятин сообщает Горькому: «Пьеса все-таки похоронена». Гораздо больший вес имело мнение полуграмотного, судя по стилистике отзыва, неизвестного работника Агитпропа (цензура в данном случае выступила в роли послушного исполнителя), обладавшего зато безупречным классовым чутьем: с поразительным простодушием, даже без кавычек, он называет большевиков «прямыми потомками и духовными наследниками Атиллы». Он увидел в тексте неконтролируемую и опасную аллюзию, хотя смысл пьесы, как и первой части романа «Бич Божий», опубликованной посмертно в Париже в 1938 году, гораздо шире и глубже. «Запад и Восток, — писал Замятин в 1928 году о пьесе «Атилла», которую он собирался «развернуть в роман». — Западная культура, поднявшаяся до таких вершин, где она уже попадает в безвоздушное пространство цивилизации, — и новая, буйная, дикая сила, идущая с Востока, через наши, скифские, степи...» (см. вышеуказ. комментарии Евг. Барабанова к «Сочинениям Евгения Замятина», с.549).

Санкт-Петербург

Продолжение следует.